

ПСИХОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

В.А. БАРАБАНЩИКОВ

Лаборатория системных исследований психики
Институт психологии
Российская академия наук
Ул. Ярославская, 13, 129366 Москва, Россия

В статье рассматривается история, современное состояние и перспективы развития психологической науки в России. Показано, что в советский период российской психологии удалось разработать ряд радикально новых идей и по-новому поставить проблемы сознания, личности и деятельности человека. Уникальность современного состояния науки заключается в том, что она переживает одновременно и кризис, и развитие. Расширяются философские основания исследований, происходит перегруппировка понятийного поля психологии, интенсивно растет методическая сфера, соотношение фундаментальных и прикладных работ меняется в пользу последних. Вместе с тем идеи, разработанные 40–60 лет назад, сохраняют направляющее значение. Перспектива российской психологии во многом будет определяться тем, насколько эффективно ей удастся адаптироваться к новым экономическим, социальным и политическим условиям жизни государства.

Для многих зарубежных исследователей современная российская психология остается либо *terra incognita*, либо непосредственно отождествляется с советской психологией. На протяжении последних лет при общении с зарубежными коллегами мне часто приходилось слышать одни и те же вопросы:

1. Что происходит в российской психологии сегодня?
2. Изменилась ли она после распада СССР?
3. Как относятся в современной России к марксизму и к работам классиков советской психологии (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и др.)?
4. По какому пути идет российская психология?

Нетрудно заметить, что за подобными вопросами скрывается не только интерес к российской психологии, которая достаточно долго противопоставлялась западным течениям, но и более общая проблема: логика развития науки в период радикальных изменений государственного, экономического и политического устройства страны.

Предлагаемый текст состоит из двух частей. Сначала следует дать характеристику советской психологии. Понимая трудность этой задачи, будут затронуты лишь наиболее значимые моменты: философские основы, категориальный

строй и предметное поле исследований (на них необходимо остановиться более подробно), методы и практический вывод. Затем расскажу о состоянии российской психологии после распада СССР. Здесь ваше внимание будет обращено на изменения, которые произошли в российской науке за последние 10–12 лет. В заключение подведу итоги и обозначу перспективу развития психологии в России.

Говоря и о российской, и о советской психологии будут иметься в виду не отдельные школы или теории, а совокупность знаний о психике и поведении человека, сложившаяся на разных этапах развития страны. Подобные образования формируются на основе общности языка, культурных традиций, экономического, политического и социального уклада жизни и развиваются как относительно самостоятельное целое. Вместе с тем, они включают в себя и интернациональную составляющую, за которой стоят тенденции мировой науки и практики.

1. Характеристика советской психологии

Психология как самостоятельная научная дисциплина складывалась в России во второй половине XIX столетия и была неплохо интегрирована в общеевропейское психологическое движение. До 1917 г. российская психология представляла собой многоликое образование, сочетающее объективное и субъективное изучение внутреннего мира человека. В ее основе лежал своеобразный замес философского материализма и идеализма, а экспериментальный метод совмещался с умозрительными построениями, нередко религиозного толка. Идеи рефлекса (И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова) и души (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Е.Н. Трубецкой) уживались в одном и том же социокультурном пространстве.

Советская психология возникала в 20-х годах ушедшего столетия как ответ на радикальное изменение общественно-политического и экономического строя в России.

В качестве единственной философской доктрины, на которой строилась и идеология, и наука, утверждается марксизм. Это означало: материалистическое мировоззрение, использование диалектического метода познания, подчеркивание роли труда в развитии человека и вера в примат общества над индивидом. Монолитность философского основания в сочетании с жесткими идеологическими и государственными требованиями сыграли важную роль в формировании особого пути советской, или, как ее называли тогда, **марксистской психологии**.

Первым по-настоящему оригинальным вкладом в советскую науку стала культурно-историческая теория психики, предложенная Л.С. Выготским и развитая затем его сотрудниками и учениками: А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьевым, А.В. Запорожцем, П.Я. Гальпериным, Д.Б. Элькониным и др. Ядро этой теории составляют представления об **общественной обусловленности и историческом развитии психики человека**, непосредственно вытекающие из работ основоположников марксизма. Согласно Л.С. Выготскому, сущность человека бесполезно искать внутри организма, в частности, в его мозгу; она находится вне каждого конкретного индивида и задается меняющейся системой общественных отношений, в которую он включен. Поэтому магистральный путь ис-

следования психики виделся им в движении не от неизменного по своей структуре сознания к его внешним проявлениям (двигательным или секреторным), а от событий социальной жизни к порождению сознания.

По мнению Л.С. Выготского, главное отличие поведения человека от поведения животного состоит в его опосредованности орудием – тем, что человек помещает между собой и природой для достижения своих целей; используя орудие он преобразует как внешнюю действительность, так и самого себя. Существенно, что в качестве орудия может выступить любой медиатор, включая и знак. Орудие – всегда элемент культуры, носитель общественно-исторического опыта. Появившись на свет, человеческий индивид оказывается включенным в надындивидуальный, исторически развивающийся мир культуры, а его психическое развитие осуществляется как процесс овладения этим миром. Первоначально существуя во внешней форме, продукты культуры, в том числе и отношения между людьми, интериоризируются, или вращиваются, в индивидуальное сознание и становятся средством произвольного управления индивидом как собственным поведением, так и поведением других.

Орудийность коренным образом меняет структуру психических явлений. В отличие от натуральных психических функций, которые определяются естественными возможностями организма, высшие психические функции, т. е. сложные формы восприятия, произвольная память, дискурсивное мышление и т. п. опосредованы знаком и, в силу этого, осознаны и произвольны [Выготский, 1996].

Проблема способов овладения культурой, которую решал Л.С. Выготский, закономерности использования средств, созданных обществом не только в целях преобразования действительности, но и в целях развития самого человека, представляются исключительно важными и в наши дни, особенно в связи с тотальной компьютеризацией жизни общества и той исключительной ролью, которую призваны играть современные инструменты.

Культурно-историческая теория утвердила один из важнейших принципов психологического познания, характерный для советской психологии в целом: для того, чтобы раскрыть внутренний мир человека, необходимо выйти за его пределы в более широкий контекст жизни. Этот принцип явно контрастирует с установками классического эксперимента, в соответствии с которыми главная задача исследователя состоит в том, чтобы аналитически препарировать изучаемый процесс, отделить его от других психических явлений и отношений человека с миром. Все последующее развитие психологии в СССР шло по линии исследования явлений в контексте различных сторон человеческого бытия.

В 30-е годы роль государства в регулировании науки резко возрастает, а направления, которые признаются идеологически чуждыми, искореняются. В этот список попадают педология, психоанализ и психотехника, т. е. области психологического знания, ориентированные на решение практических задач. Сфера прикладных работ резко сужается. Меняются и акценты исследований. Центральной становится проблема **деятельности**, истоки которой также коренятся в философии марксизма. Наиболее глубоко и полно эта проблема разрабатывалась С.Л. Рубинштейном [1945] и А.Н. Леонтьевым [1972].

Говоря о деятельности, имеют в виду целенаправленное преобразование человеком окружающего мира, в ходе которого меняется и сам человек. Это

может быть труд (как физический, так и умственный), а может быть – игра или учение. По своей природе деятельность всегда социальна. Она характеризуется побуждающим ее мотивом и реализуется посредством действий, подчиненных соответствующим целям. Действия, в свою очередь, разворачиваются как системы операций, соотносимых с условиями выполнения деятельности.

В рамках описываемой концепции психике отводится роль внутреннего компонента деятельности, который обеспечивает ориентировку индивида в среде и регуляцию его действий. В деятельности психические процессы не только проявляются, но и формируются и развиваются.

Из этих представлений вытекают, по крайней мере, три следствия.

Во-первых, деятельность выступает в качестве **ведущей детерминанты** психических явлений. Что и как воспринимает, запоминает или переживает человек, определяется тем, что и как он делает, т. е. конкретной задачей, которая перед ним стоит, мотивами, побуждающими к действию, наличными средствами деятельности и т. п. Например, пороги разных видов чувствительности в зависимости от требований деятельности и ее организации могут, как повышаться, так и понижаться [Ананьев, 1960]. Непроизвольное запоминание может быть более эффективным, чем произвольное, при условии, если запоминаемый материал входит в содержание цели выполняемой деятельности [Зинченко, 1961; Смирнов, 1965]. Сейчас, когда все яснее проявляется ограниченность информационного подхода к анализу познавательных процессов, учет психологического содержания деятельности человека становится особенно актуальным.

Во-вторых, в контексте деятельностной парадигмы психический процесс может быть проинтерпретирован в терминах **внутренней деятельности**. В этом смысле говорят о перцептивной, мнемической, интеллектуальной деятельности. Полагают, что внутренняя деятельность генетически производна от внешней и имеет такое же строение. Она формируется в процессе обучения, проходя ряд характерных ступеней или стадий развития [Запорожец, 1999; Гальперин, 1998]. Проведенные исследования дали основание полагать, что предметно-практические действия интериоризируются субъектом и приобретают форму свернутого внутреннего процесса. Идея Л.С. Выготского об интериоризации знака трансформируется здесь в представление об интериоризации деятельности (действия).

В-третьих, деятельностная парадигма наиболее отчетливо «высвечивает» **регуляторную функцию** психики, обеспечивающую соответствие выполняемой деятельности ее предмету, средствам и условиям. Внимание исследователей обращается на субъективные составляющие деятельности: мотив, цель, план деятельности, схема ситуации и т. п., объединенные в многоуровневую динамическую систему. Анализ этих составляющих и их взаимоотношений позволил поставить вопрос о системогенезе практической деятельности [Шадриков, 1978], соотношении осознаваемых и неосознаваемых компонентов познавательной деятельности [Брушлинский, 1979], когнитивной репрезентации психологических составляющих деятельности [Ломов, 1984] и др.

Необходимо отметить, что применяемые схемы анализа психических явлений, как правило, ограничивались индивидуальной деятельностью. Но взаимодействие отдельного человека с окружающим миром никогда не бывает самодостаточным. Это всегда компонент или составная часть **совместной деятель-**

ности людей. Даже в наиболее «рафинированном» психофизическом эксперименте трудно освободиться от влияния экспериментатора и тех невидимых «нитей», которые связывают его с испытуемым. Для того, чтобы понять индивидуальную деятельность в целом, необходимо установить ее место в совместной деятельности и функцию индивида в группе. Совместная деятельность всегда распределена между членами группы и характеризуется общностью целей, плана, принятия решения, оценки полученного результата, а ее внутренними моментами являются характер межличностных отношений и процесс общения.

С середины 70-х годов, во многом благодаря усилиям Б.Ф. Ломова и его сотрудников, на передний план выдвигается изучение психических явлений в контексте **совместной деятельности и общения**. Под общением понимается специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми, в ходе которого совершается взаимообмен не только информацией, но и состояниями и действиями. Результатом общения является установление и/или реализация конкретных отношений между людьми.

Исследования восприятия, памяти, мышления, выполненные в русле новой парадигмы, показали, что общение является основанием и важнейшей детерминантой психических процессов и личности человека. «Эффект общения» проявляется в способах организации, селекции, оценки и коррекции получаемой человеком информации; в особенностях построения субъективных шкал; в выборе системы отсчета и трансформации образов; в расширении базы обобщения и абстрагирования при формировании понятий и др.

Проведенные исследования позволили дать более глубокую характеристику и самому общению. Оно квалифицируется как открытая система, обеспечивающая возможность распределения (и перераспределения) функций между его участниками, их содействие или противодействие решению общей задачи, смену ролей и т. п. Описаны циклы и стадии развития общения [Ломов, 1984].

Хотя в реальной жизни общение и деятельность тесно переплетаются, они сохраняют свою самостоятельность. Невозможно представить общение как совокупность перемежающихся действий участников; это всегда взаимодействие или содействие. По сравнению со структурой индивидуальной деятельности процесс общения включает дополнительные моменты: общий фонд информации, взаимоотношение мотивов, целей, программ участников, сопряжение их действий, дифференцирование позиций и функций в группе и т. д.

В рассматриваемом контексте проблема общения приобретала общепсихологическое звучание. Предметом исследования становился уникальный пласт бытия человека, обнажающий особый ряд свойств, функций и закономерностей его психики.

Несмотря на важность социокультурных детерминант структуры деятельности и общения, центральной для советской науки стала проблема и категория **отражения**. Психические явления рассматривались как различные формы представленности человеку объективной действительности. В этот круг включались не только познавательные процессы, интересовавшие исследователей в первую очередь, но и эмоции, чувства, воля.

Категория психического отражения, образа как его результата, тесно связанная с гносеологией марксизма, фиксировала два принципиальных момента.

Во-первых, включенность психики во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира. Благодаря отражательной способности психика выступает как относительно самостоятельное целое, подчиненное законам и биологической, и общественной жизни, и играет в ней активную роль. Тем самым подчеркивается онтологический план анализа психических явлений, позволяющий искать закономерности их внутреннего движения.

Во-вторых, источником содержания психических явлений предполагаются конкретные обстоятельства жизни человека. Отражая действительность, он получает возможность ориентироваться в ней, выражать себя как целостность и регулировать свое поведение. Поскольку отражения, образы действительности не существуют сами по себе, а принадлежат субъекту, т. е. реальному практическому существу, их содержание всегда оказывается пристрастным, незеркальным. В рамках этого подхода сформировался ряд специальных понятий, с помощью которых раскрывались конкретные особенности психики и поведения. Это: «оперативный образ» [Ошанин, 1999]; «образ мира» [Леонтьев, 1977]; «опережающее отражение» [Анохин, 1978] и др. Поиск закономерностей порождения, формирования и функционирования субъективных образов действительности в процессе деятельности человека полагался в качестве важнейшей задачи советской психологической науки.

Таким образом, за сравнительно короткий период (около 60 лет) был построен категориальный базис советской психологической науки, который предоставлял широкие возможности для исследования различных аспектов психики и поведения человека. На его основе велась работа большинства школ советской психологии, хотя структура категорий и их понимание у разных исследователей варьировали. Более того, категориальный строй носил открытый характер, допускающий включение новых понятий, таких как, например, отношение или личность, активная разработка которых началась в 80-е годы.

Своеобразие советской психологии проявилось и в **методе**, или наиболее общем пути познания психики и поведения. Уже в 30-е годы в предметное поле науки были введены основные идеи диалектики: многообразия, единства, противоречия, качественного скачка и др. В центре внимания оказываются разнокачественность психических явлений (в частности, натуральные и высшие психические функции), подчеркивается их взаимосвязь и особенности детерминации, выделяются уровни организации психики и поведения (деятельности), эффективно исследуется генезис психических функций. На языке диалектики формулировались и принципы психологической науки. По существу, в СССР были заложены основы и разрабатывалась **диалектическая психология**, хотя подобное название и не употреблялось (чаще звучало определение, подчеркивающее философские истоки: **марксистская психология**). На принципы диалектики опиралась версия системного подхода, предложенная Б.Ф. Ломовым в 70-х годах.

Что же касается **эмпирических техник и процедур** проводимых исследований, то они непосредственно вытекали из содержания разрабатываемых концепций. В частности, наряду с лабораторным получил распространение «формирующий эксперимент», опирающийся на теорию Л.С. Выготского. Его сущность заключается в изучении формирования психических функций с заранее заданными свойствами. В качестве примера можно указать на работы А.Н. Ле-

онтьева по формированию звуковысотного слуха, а также на циклы исследований П.Я. Гальперина и его сотрудников, посвященных формированию умственных действий. При изучении роли общения широко использовался «парный эксперимент», предложенный еще В.М. Бехтеревым. Он состоит в сравнении особенностей протекания психических процессов в условиях индивидуального и совместного решения задач несколькими испытуемыми. Как правило, эти процедуры сочетались с экспериментальными техниками, принятыми в зарубежной психологии.

Сфера **практической деятельности** оставалась сравнительно узкой, хотя и постоянно развивалась. Это было наиболее слабое звено советской психологии. Слабое не только по объему ведущихся работ и ограниченности областей, но и по методическому обеспечению деятельности психологов. Вместе с тем, нельзя не отметить весьма значительные достижения советской науки в решении проблем образования [Эльконин, 1970; Давыдов, 1972; Талызина, 1970], здравоохранения [Лурия, 1963; Зейгарник, 1969], а также разработки и внедрения новой техники [Ошанин, 1999; Ломов, 1966; Зинченко, Мунипов, 1989].

Можно по-разному относиться к советской психологии, соглашаться или не соглашаться с ее категориальным строем и методами познания, но нельзя не заметить ее самостоятельности и оригинальности в постановке и решении ряда фундаментальных и прикладных проблем. Она прошла непростой путь развития, имела свое лицо, почерк и авторитет в международном профессиональном сообществе.

2. Российская психология сегодня

1991 г. для истории страны стал поворотным: после распада СССР Россия встала на путь несоциалистического развития. Изменилась идеология, т. е. ключевые ценности общества. Существенно ослабла регулирующая роль государства. Произошла либерализация экономики. Началось сокращение производства и падение уровня жизни большинства людей. Возникла ситуация, похожая по экономическим, политическим и социальным проявлениям на ситуацию 20-х годов, в которой зародилась советская психология. Однако на новом историческом витке развитие науки пошло иным, в какой-то степени противоположным путем.

Снятие идеологических барьеров и возвращение к общечеловеческим ценностям привели к критике марксизма и расширению оснований психологической науки. Началось освоение философских идей, которые ранее расценивались как враждебные и потому неприемлемые. Имеются в виду феноменология (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), экзистенциализм (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр), герменевтика (П. Рикер), увлечение Кантом и восстановление в правах русских религиозных философов (В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Трубецкого, С.Л. Франка и др.). Классики марксизма цитируются все реже, а строй понятий тех областей знания, которые недавно назывались диалектический и исторический материализм, кажется почти забытым. Правда, это не означает признания того, что, например, феноменализм или инструментализм имеют больше преимуществ, чем теоретико-познавательный реализм, доминировавший в советское время [Лек-

торский, 2001]. Происходит становление философского плюрализма, утверждающего целесообразность сосуществования разных идейных школ и течений. Создается, следовательно, благоприятная почва для развития любых направлений психологии.

Одной из болевых точек российской философии и науки является отношение к марксизму. Здесь различаются два плана: марксизм как разновидность философии и марксизм как разновидность «государственной религии», которая получила в СССР тотальное распространение. Последнее отвергается безоговорочно, философские же положения являются предметом серьезного анализа. Так, безусловного внимания заслуживают представления о деятельностной природе человеческого познания, исследование превращенных форм сознания, ряд идей философской антропологии, которые имеют прямое отношение к психологической науке. Напротив, большие сомнения и настороженность вызывает идея насилия, или подчинения мира (природных и социальных обстоятельств жизни) человеку. Складывается понимание ограниченности марксизма рамками индустриального общества.

На этом фоне растет интерес к традициям восточных культур, в которых отношение человека к миру рассматривается с противоположных позиций: акцент ставится не на человеке и его личности, а на мире, природе, космосе. Поэтому и логика совершаемого человеком действия представляется иной. Например, принцип У-ВЭЙ (в переводе с китайского – невмешательство, адаптируемость) предполагает согласование действия с природными, в том числе и с космическими ритмами.

Наконец, своеобразной реакцией на снятие идеологических ограничений стало возрождение мистицизма, увлечение иррационализмом и откровенно клерикалистскими учениями. Книжки по хиромантии, астрологии, парапсихологии и т. п. с избытком заполнили прилавки книжных магазинов.

Размывание философского базиса не могло не повлиять на содержание деятельности психологов. Интерес к основаниям науки резко упал, и лишь с началом тысячелетия стал постепенно восстанавливаться. Вновь ставится проблема предмета и метода психологической науки. Быстро развивается история психологии, возвращающая, казалось бы, забытые имена – Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лазурского и др. и пытающаяся по-новому осмыслить события российского прошлого.

Освоение новых мировоззренческих позиций сопровождается критическим отношением исследователей к ряду положений советской психологии. В эпицентре критики находятся понятие отражение, которое ранее рассматривалось в качестве родового по отношению к психике, объяснительный статус категории деятельности, а также абсолютизация роли социального по отношению к личности и сознанию. Однако радикальных преобразований категориального базиса и выстроенной на нем системы психологических понятий не происходит, как не происходит и переоценка содержания исследований, выполненных в советский период. Совершается расширение и плавная перегруппировка понятийного поля психологии. Она рассматривается как преимущественно гуманитарная область знания, в качестве центральной утверждается проблема личности, а гносеологический план исследований все чаще подчиняется онтологическому. Конструктивную роль в научном исследовании играют понятия «общение»,

«отношение», «переживание», «внутренний мир» и «репрезентация». Делаются попытки реанимировать метафизическое понятие души. Такие развитые области знания как психология познавательных процессов, психофизика, психофизиология заняли подчиненную позицию и в той или иной степени трансформировали свою тематику. В частности, получили распространение исследования когнитивных стилей, интеллекта, понимания и др., в которых выражена личностная составляющая познавательных процессов. Вместе с тем дух позитивизма не только не испарился, но и получил определенное развитие.

Целесообразно отметить три наиболее характерные черты современных российских исследований.

Прежде всего, это усиление субъектного подхода к анализу психики и поведения человека (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский). Согласно этому подходу любые психические явления и формы активности рассматриваются в конкретной отнесенности к тому, кому они принадлежат. Человек как субъект способен распоряжаться собственными ресурсами и, благодаря этому, строить отношения с миром. Активность, самодетерминация, саморегуляция, саморазвитие и самосовершенствование – ключевые характеристики субъекта жизни, которые сегодня подвергаются интенсивному исследованию. В этой связи открывается пласт важных экзистенциальных проблем – смысла жизни, отношения к высшим ценностям, самореализации человека и т. п. Существенно то, что понятие субъект распространяется не только на личность, но и на социальную общность любого масштаба.

В 90-е годы российские психологи пересоткрыли для себя незаконченную рукопись С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», в которой сделан набросок принципиально новой для советской науки философско-психологической концепции человека. Ее особенностью является отказ от ряда положений ортодоксального марксизма, в частности от принципа «бытие определяет сознание». В рукописи обосновываются представления о бесконечности личности, ее постоянном выходе за собственные пределы, свободе и ответственности, подчеркивается значение этического и эстетического отношения человека к миру [Рубинштейн, 1973]. Это серьезный теоретический шаг в сторону гуманистической психологии, сближающий позиции российских и западных исследователей.

Другой чертой российских исследований является преданность принципу развития, на основе которого строилась работа и большинства советских психологов. Порождение либо формирование различных психических образований или видов активности, особенности стадий и уровней психического развития субъекта по-прежнему остаются в центре внимания. Поле генетических исследований быстро разрастается, включая в себя все новые и новые области: ранний и поздний онтогенез, сферу высших профессиональных и творческих достижений человека (акме), психологический облик людей в разные исторические периоды и даже палеогенез психических функций. При этом самое психическое развитие интерпретируется как полиморфный процесс, ведущий не только к рождению нового, но и к трансформации или же разрушению неэффективных форм психической организации и поведения.

Наконец, нельзя не заметить стремления к целостному познанию изучаемых явлений. Исследователей все чаще интересует взаимодействие различных по природе явлений, множественность форм их протекания, структура и уровни

организации. Увеличивается объем междисциплинарных исследований. Ставится вопрос о логике взаимопереходов и взаимовключений психических реальностей, а также принципах объединения разнородного психологического знания. Так, одно и то же явление, например, восприятие, в рамках деятельностного подхода описывается как построение субъектом предметного образа действительности, в рамках информационного подхода – как прием, переработка и использование информации, в рамках экологического подхода – как функция проксимальной стимуляции. При этом каждый из подходов претендует на целостное изображение своего предмета. Но какова же психологическая сущность восприятия в целом? Как получить (в понятиях) более или менее «объемную» картину перцептивного процесса?

Решение этих и подобных проблем предполагает более глубокое использование идеи системности в психологии, в частности, представлений о полисистемности бытия человека и системной детерминации его психики и поведения, разработанных Б.Ф. Ломовым [Ломов, 1984] и развиваемых его учениками [Барabanщиков, Носуленко, 2004].

Обращение к системности как к методологическому принципу диктуется особенностями познавательной ситуации, сохраняющейся в науке в последние десятилетия. Возникновение все новых и новых отраслей, расширение понятийного и методологического аппаратов психологии не только не приводит к качественному скачку психологического знания, но и снижает степень его организованности. Предмет психологии дробится на все более мелкие части, порождая, порой, непреодолимые трудности при сопоставлении результатов, полученных разными методами в разных понятийных контекстах. Крайним выражением разобщенности психологического знания выступает противостояние естественнонаучной и гуманитарной парадигм исследования. По-видимому, в неспособности современной науки охватить разнокачественные основания психических явлений единой системой понятий и заключается глубинный смысл методологических кризисов.

Рассмотренные тенденции проявляются в условиях постоянного расширения информационного поля психологии. Стали доступными практически любые профессиональные публикации. Существенно поднят уровень использования информационно-коммуникативных технологий.

В отличие от советского периода российская психология открыта мировой науке и практике. Сильное влияние на ее развитие оказывают идеи и техники гуманистической психологии, а в академической сфере – представления и методы когнитивных наук. Существует большой интерес к западным психометрическим исследованиям и практике тестирования. Восстанавливается психоаналитическая традиция. Наконец, своеобразный бум переживают в России трансперсональная психология и NLP, вопреки регулярно высказываемым сомнениям в научности их методологии.

Неплохой иллюстрацией к состоянию российской психологической науки является частота ссылок (относительный индекс цитирования) на работы российских и зарубежных психологов в 2003 г. [Аллахвердов, 2004]. Здесь выделяются 4 кластера. Кластер с высоким индексом цитирования образуют основатели советской психологии (по рангам: Выготский, Рубинштейн, Леонтьев и Ананьев). Два средних кластера представлены классиками мировой психологии

(Фрейд, Юнг, Маслоу, Роджерс, Левин) и крупными советскими психологами (Ломов, Брушлинский, Мясищев, Лурия и др.). Наконец, в кластер с низким индексом цитирования попали яркие представители западной когнитивной психологии и бихевиоризма (Миллер, Брунер, Найссер, Скиннер и др.). Нетрудно заключить, что современная российская психология, особенно ее фундаментальная часть, по-прежнему опирается на ключевые положения советской психологии, в той или иной степени развивая их. При этом акцент исследований сместился в сторону проблем личности и ее отношений с миром. Большой интерес у российских психологов вызывают представления и методы гуманистической психологии и психоанализа, в то время как экспериментальная психология, связанная с когнитивным и бихевиоральным подходами, находится скорее на периферии популярности. Весьма показательно также то, что на сегодняшний день в российской психологии нет выраженных лидеров, хотя сохранились научные традиции и школы.

Меняются приоритеты и в структуре методов психологического познания. Наибольший интерес вызывают не столько общеметодологические подходы, сколько конкретные средства и технологии получения знания. Вопрос о том, как изучать, диагностировать и видоизменять течение психических процессов, состояния человека, свойства его личности и т. п., становится ключевым. Отмечается стремительный рост методической сферы (особенно в практических областях деятельности психологов). Широко используются и разрабатываются тесты, различного рода тренинги, психотерапевтические техники; восстанавливается статус наблюдения как одного из основных способов психологического познания и естественного эксперимента (А.Ф. Лазурский). Намечилась тенденция активного использования идеографических методов. Идеал научного исследования все чаще связывается с ситуацией реальной деятельности и общения человека в естественной среде. Обсуждается идея реконструкции и проектирования социальных и жизненных сценариев.

На этом фоне зримо сократилась доля лабораторного эксперимента, с которым связаны значительные достижения российской психологии в прошлом. На дальний план отодвинуты и методы моделирования. Иногда эту тенденцию пытаются представить как «усталость от позитивизма». Однако ее причины лежат в другой плоскости. За прошедшие 10 лет коренным образом поменялся социальный статус психологии. Она стала востребованной и все более осознается как полезная область знания, содействующая решению проблем не только важных сфер общественной жизни, но и конкретного человека. Число психологов выросло в десятки раз. Только в Москве существует свыше 70 вузов, которые готовят профессиональных психологов (в Советском Союзе их было единицы). Из узко корпоративной психология превращается в массовую профессию. Поэтому и дисбаланс фундаментальных и прикладных работ, существовавший ранее, сместился в сторону последних. Российская психология перестала быть преимущественно академической. Более того, она стала уделять внимание собственной практике: психотерапии, психоанализу, психологическому консультированию и т. п. Отсюда – исключительный интерес к личности человека и стремление изучать ее как целое, а значит преимущественно неэкспериментальными средствами.

На сегодняшний день проблема личности – своеобразный локомотив российской психологии. Эта проблема не только интенсивно разрабатывается, но и

формирует стратегии современного исследования, подтягивая к себе другие области психологического знания и практической деятельности.

Наиболее яркое отличие российской психологии от советской заключается в практической направленности. Важным становится на столько открытие или обоснование нового знания, сколько новые пути его использования. Основной прорыв связан со сферами образования, медицины, экономики и бизнеса, политики и общественных отношений. Если первые две имеют в России давние традиции и серьезный концептуальный задел (работы Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник и др. работы Л.С. Выготского), то последние – больше базируются на идеях и методах западной психологии. Область социальных проблем растет быстрыми темпами, создавая зону ближайшего развития российской психологии в целом.

Хотя необходимость интеграции теоретического и практического видов знания не вызывает сомнений, ее конкретные пути остаются порой туманными. Известный афоризм «Практика – критерий истины» далеко не всегда соответствует реалиям психологической работы. Парадокс заключается в том, что практические методы конкурирующих школ нередко оказываются одинаково эффективными. Главным становится не психотехнология, а личность человека, который эту технологию применяет.

Заключение

В истории российской науки сложились две метафоры, описывающие состояние психологии на разных этапах ее развития: «руины, подобные развалинам Трои» (Н.Н. Ланге) и «строительная площадка», на которой возводится невиданное ранее здание или новый город (Б.М. Теплов). Уникальность современного состояния российской психологии заключается в том, что она обнаруживает обе характеристики одновременно. Кризисные явления, связанные с разрушением тоталитарного мировоззрения и упадком экономики, сочетаются с исключительным интересом общества к психическим феноменам и развертыванием новых областей и направлений деятельности психологов. Психология все больше позиционируется как практическая дисциплина, а психологическая культура общества растет высокими темпами.

На данном историческом этапе российская психология развивается экстенсивно, реализуя потенциал, накопленный в советский период. Переживаемые трудности носят внешний и ограниченный характер. Они не затрагивают глубинных механизмов порождения знания, и отчетливо проявляются при освоении преимущественно новых областей теории и практики. В подобной ситуации благоприятным обстоятельством является тот факт, что ключевые концепции советской психологии (особенно теории Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна) остаются не только наиболее глубокими в российской науке, но и наиболее открытыми другим школам и течениям.

На сегодняшний день российская психология не имеет выраженного вектора движения; она находится как бы на перепутье. Смысл текущего этапа ее развития заключается в адаптации к новому социально-экономическому устройству страны. Включившись в этот процесс, т. е. решая проблемы современного

общества, она сама становится необходимым элементом новой жизни и фактором ее позитивного движения. По существу, то, как российская психология сможет адаптироваться к новым социальным, экономическим и политическим условиям жизни государства и станет ее новым лицом, будет ли оно привлекательным или бесцветным, покажет ближайшее будущее.

Завершая обсуждение, я хотел бы сделать выводы общего порядка. Радикальное переустройство страны, безусловно, влияет на состояние науки, формы и пути ее развития, но это влияние многократно опосредствовано и по своему эффекту неоднозначно. Нельзя забывать, что наука развивается эволюционно. Ее невозможно построить по заранее выполненным чертежам, как строят дома или машины. Это живой организм, в котором, например, категории играют роль генов, обуславливающих объяснительный потенциал науки, а методы – роль каналов получения нового знания. Государство создает общую атмосферу существования (баланс возможностей и ограничений) науки и выдвигает спектр наиболее значимых задач. Своеобразие их решения в конкретных социальных условиях и формирует оригинальный путь и собственный почерк национальной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* О Субъекте психической деятельности. – М.: Наука, 1973.
2. *Аллахвердов В.М.* Послесловие к съезду // Психология. – 2004. – № 2, с. 62–68.
3. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. – М.: АПН, 1960.
4. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л.: ЛГУ, 1968.
5. *Анохин П.К.* Философские аспекты теории фундаментальной системы. – М.: Наука, 1978.
6. *Барабанчиков В.А., Носуленко В.Н.* Системность. Восприятие. Общение. – М.: ИП РАН, 2004.
7. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979.
8. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. – СПб.: Алетейя, 2003.
9. *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры. – М.–Воронеж: АПСН, 1996.
10. *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. – М.: Педагогика, 1972.
11. *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. – М.: АПН, 1960.
12. *Зинченко П.И.* Непроизвольное напоминание. – М.: Просвещение, 1961.
13. *Зинченко В.П., Мунипов В.М.* Основы эргономики. – М.: Машиностроение, 1983.
14. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М.: МГУ, 1972.
15. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977.
16. *Ломов Б.Ф.* Человек и техника. – М.: Советское радио, 1966.
17. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.
18. *Лурия А.Р.* Развитие высших корковых функций. – М.: МГУ, 1963.

19. *Ошанин Д.А.* Предметное действие и оперативный базис. – М.–Воронеж: АПЧН, 1999.
20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1946.
21. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1973.
22. *Смирнов А.А.* Проблемы психологии памяти. – М.: Просвещение, 1965.
23. *Теплов Б.М.* Избранные труды. – М.: Педагогика, 1985.
24. *Шадриков В.Д.* Системогенез профессиональной деятельности. – М.: Наука, 1978.

RUSSIAN PSYCHOLOGY IS AT THE CROSSROADS

V.A. BARABANSHCHIKOV

The Laboratory for Systematic Psychological Research
Institute of Psychology Russian Academy of Sciences
13, Yaroslavskaya St., Moscow, Russia

The article deals with the history, the present-day state and the prospects of the development of psychology in Russia. It shows that during the Soviet period a number of new radical ideas were developed by Russian Psychology and the problems of consciousness, individuality and human activities were reconsidered. The unique situation of the present-day state of the science lies in the fact that it is going through the crisis and development at the same time. The philosophical grounds of the research are expanding, the regrouping of the conceptual field of psychology is taking place, the methodical sphere is developing rapidly, the correlation of fundamental and applied works changes in favour of the latter. At the same time the ideas developed 40–60 years ago retain their directing significance. In many cases the prospects of Russian psychology will be determined by its adaptation to the new economic, social and political conditions of the life of the state.